

ДАРЬЯ РАТНИКОВА

ШУТ
И ЕГО ЖЕНА

Дарья Ратникова

Шут и его жена

«Автор»

2023

Ратникова Д.

Шут и его жена / Д. Ратникова — «Автор», 2023

Мик — шут на службе у князя. Но даже шуту не всегда сходят с рук дерзости. Вот и Мик договорился, и теперь князь Литар в наказание женит его на строптивой пленнице, а брачную ночь приказывает провести в Ледяном Дворце посреди зимы. И вроде выхода нет, но шут выкрутится из любой передряги. Вот бы ещё пленница была не так красива. Ведь она совсем ему не ровня.

© Ратникова Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарья Ратникова

Шут и его жена

Глава 1

Мик

«Ну вот ты и допрыгался, шут», – подумал Мик и хмыкнул. На лице появилось совсем дурацкое выражение. Стражник расхохотался, захлопывая за ним дверь темницы. Ну хоть кому-то в этом мире весело, а значит он живёт не зря.

– Удачи, шут! Надеюсь, крысы не сожрут твоё тщедушное тело, пока наш князь не передумает! – Напутствовал его стражник, поворачивая ключ в замке. И всё. Через пару минут он остался один на один с темнотой, в которой совсем скоро послышались какие-то шорохи. Даже темница жила своей жизнью. А он вынужден был жить чужой.

Темница? Что-ж, для него это не в первой. Ещё тогда, когда его много лет назад, совсем мальчишкой привезли из военного похода. Он ничего не помнил о прошлом. Вот совсем. Словно стена. Но кусался и царапался, не хотел жить в неволе, рабом. Тогда для него вторым домом стала эта темница. И потом долго ещё он возвращался сюда за малейшую провинность. Можно сказать, что эта камера с топчаном из прелой соломы его второй дом.

А потом... он стал шутом. Но Мик не любил об этом вспоминать. Не то чтобы в шутовстве было что-то противное или постыдное. Нет. Это был единственный способ не потерять себя. Поговаривали, что мальчишка тронулся умом от горя. А сейчас и вовсе все уверены, что он немного безумен и сильно придурковат. Или наоборот. Мик невесело рассмеялся. И смех словно яркими бусинками разлетелся по камере, немного скрашивая жизнь. Шутовство – это свобода, а ещё возможность говорить в лицо то, что больше никому не сойдёт с рук.

Хотя сегодня он кажется договорился. Князь был просто в бешенстве, да так, что приказал упрятать его сюда, без воды и еды. Интересно, насколько дорог ему шут? Мик не строил иллюзий. Любого шута можно заменить. А с придурковатым малым никто не хотел возиться. Да он и сам не желал общения ни с кем. Улыбаться всем, привычная маска.

И всё-таки он не смог смолчать. Князь воеводы нынче вернулись из похода, да не одни, а с добычей – пленницы, да сундуки с золотом и прочим добром. Князь приказал закатить пир горой, да звать его. Но он не был бы собой, если бы не догадался, отчего так печальна княгиня, а князь глазами пожирает одну из пленниц. И не сдержался. Казалось, бы что ему? Что за дурацкая страсть сделать мир вокруг себя лучше? Мик и сам не знал. Ненавидел ли князя? Вряд ли. Он не помнил прошлую жизнь. И кем был не помнил. Может таким же рабом-мальчонкой на побегушках у расторопных хозяев. Любил ли людей вокруг себя? И тоже нет. Наверное, и впрямь нельзя столько лет притворяться безумцем – действительно станешь таковым. Он просто жил. Да и всё тут. А сегодня не выдержал.

– Есть ли у тебя шут чем порадовать нас нынче? – Передразнил он ломким басом князя, кривляясь так, что зазвенели колокольцы на шапке.

– А почто? У князя есть новая радость нынче, чернобровая, да темноокая. И ходит она лебёдушкой, и глядит то с поволокой. Не чета княгине нашей.

Ух и разозлился князь! Мик снова хмыкнул, вспомнив его лицо. Приказал схватить его и под стражу. Но уж больно жалко стало княгиню. За все время, что он здесь живет, не слышал от неё ни одного плохого слова. А, впрочем, это не его жизнь. Разберутся как-нибудь сами.

Интересно, который час? Он попытался допрыгнуть до зарешеченного оконца почти у самого потолка, но как и обычно, не достал. Мик, конечно, знал, куда выходила окнами тем-

ница – на глубокий овраг, заполненный ледяной водой. Как-то хватило дурости там искупаться. Но все равно было интересно, что за вид здесь.

После бесплодных попыток, он сел на топчан и прислонился к стене. Крысы, совсем осмелевшие, повывползали из своих норок и едва не тыкались ему в руки. Мик их не боялся. Крысы – тоже Божьи звери. И так же, как и люди хотят жить.

В камере скоро совсем стемнело, последние крохи света перестали поступать сквозь маленькое оконце. И воцарилась ночь. Время безумств. Часто князь звал его ночью, чтобы послушать весёлую сказку, буде его княжескому величеству не спалось. Или чтобы рассмешить его потешными ужимками и причудами. Мик хмыкнул. Ужимок у него было припасено великое множество. Так, что он сам скоро перестал помнить, как выглядит его настоящее лицо в зеркале.

Он вздохнул. В камере похолодало. Начало знобить. Холод, казалось забирался под кожу. Мик вздрогнул, свернулся калачиком и попытался хоть немного согреться. Выходило с трудом. Но кажется он всё-таки немного задремал, потому что, когда в темнице повернулся ключ, и дверь со скрежетом распахнулась, он вскочил, стуча зубами от холода не понимая, где находится и какое нынче время.

– Пойдём, шут. Князь смиростивился и хочет тебя видеть. – И стражник весело хмыкнул. Наверное, ему нравились его представления. Ну конечно. Хорошего шута любят все. Или по крайней мере должны.

Мик дёрнул себя за волосы, потом нахлобучил шапку на голову, надеясь, что ночь в темнице не сделала его слишком страшным для княжеских глаз, и направился вслед за стражником.

Знакомый путь до пиршественного зала он проделал быстрее, чем обычно, чтобы хоть немного согреться. Стражник едва успевал за ним. И всё же перед залом, где обычно пировал Его Высококняжество, страж вышел вперёд и распахнул дверь. Наверное, хотел, как глашатай объявить о его появлении, но Мик ужом скользнул у него под рукой, прокатился колесом по залу, потом встал на руки перед князем и наконец рухнул кулём на пол и всё это под сумасшедший звон бубенцов. Зал сотрясся от хохота.

– Ай да шут!

– Темница пошла ему на пользу!

Мик скорчил дурацкую рожицу, вскочил на ноги, снял колпак и отвесил князю шутовской поклон.

– Вашкняжество вот он я, – пропищал скороговоркой, успев краем глаза заметить, что подле князя сидит княгиня, а той самой пленницы рядом не видно. А сам князь хмурит брови и не смеётся. Дело плохо.

– Вижу, что вот он ты, шут, – заговорил князь Литар, поднимаясь из-за стола. – И вижу, что темница кажется пошла тебе на пользу. Может быть, запрятать тебя туда до конца жизни? А, шут? – И князь нахмурил брови.

– Я смешить могу темницу, будут стены веселиться, – хохотнул Мик и привычно зазвенел бубенцами.

– Охотно верю, – усмехнулся, наконец, князь. – Язык бы тебе обрезать за твою дерзость. – Мик сглотнул, надеясь, что ужаса на лице не отразилось. – Но какой шут без языка?! Так что я поступлю по-другому. Слушай моё повеление – нынче же приказываю тебе жениться. Авось женитьба пойдёт тебе на пользу, перестанешь на чужих женщин заглядываться.

«Не забыл» – подумал Мик, – «и не простил». Ну да. Князь Литар никогда ничего не забывает. Но его – и женить?

– Дурачка – женить? – Послышались недоумённые шепотки за спиной.

Мик упал на колени, стукнулся лбом об пол и заголосил:

– Пожалейте вашкняжество! Дурачок шут жизни совсем не знал, а вы его и последней милости лишить хотите. Чтобы света белого не взвидел! Пожалейте несчастного дурачка!

И снова бухнулся об пол головой. Княжеские приближённые захохотали. Да уж. Сегодня шут их знатно насмешил. Будет о чём вспомнить. Но Мику было совсем не до шуток. Не себя было жалко, а будущую жену. Будь она хоть тридцать раз горбатой уродиной или что там ещё князь придумает, а быть замужем за дурачком – небольшая радость. Её же свои со света сживут! Но нет. Видно князь лишил твёрдо.

– Поднимись, шут и посмотри на свою будущую жену. А чтобы ты не думал, что я тебя наказываю – объявляю при всём честном народе – если переживёшь сегодняшнюю ночь, дам тебе свободу.

В голосе князя слышалась какая-то издёвка. И почему он не должен пережить эту ночь? Мик встал, привычно поправил шапку и посмотрел на князя. Возле него стояла та самая вчерашняя пленница. А её держало под руки двое воинов. И глазами она так и сверкала. Неужели?! Мик и вздохнуть не успел, как князь кивнул воинам и они вывели пленницу вперёд и поставили напротив Мика.

– Вот твоя невеста, шут. Или недоволен ты? – И что-то такое в голосе князя и в глазах. Ненависть и удовлетворение? А пленница смотрела так гордо, вскинув голову и в глазах её плескалась чистая ненависть. Такая убьёт и не постесняется. Но красивая. Мик даже забылся на мгновение. Волосы как тёмные волны, перевитые в косы, глаза, полные зелени, движения плавные. Наверное, тоже княжеских кровей. На сердце стало тяжело так, как давно уже не было.

Отмерев, Мик снова бухнулся на колени, привычно подмета шапкой пол.

– Чистое сердце,

Прекрасная дева.

В глазах её слёзы,

А губы как розы.

Продекламировал привычно и скосил глаза на невесту. Та посмотрела на него с презрением, которое вдруг непривычно задело его.

– Ну вот и решено. – Хлопнул в ладоши князь, скривившись, словно съел кислую ягоду. – Поскольку Великих служителей у нас тут нет, да и негоже было бы их беспокоить по таким пустякам. – Ну да, никто ведь дурачка не обвенчает. – Я сам поженю вас. – Придворные зашептались. Это действительно было неслыханно. Хотя князь Литар мог позволить себе всё что угодно, даже такую шутовскую свадьбу. – Княжеский шут, моим именем я дарю тебе своё высочайшее произволение и объявляю тебя мужем, а эту пленницу – твоей женой. Да будет вам в браке совет да любовь. – Кто-то заулюлюкал. – А брачную ночь вы проведёте в Ледяном Дворце. – Усмехнулся князь. И очень уж кривой вышла эта усмешка. – А пока уведите их. – Кивнул он.

И вот тут то Мик понял о чём говорил Его Высококняжество. Дарует он свободу, держи карман шире. Это не больше, чем насмешка. Никто ещё не пережил ночь в Ледяном Дворце посредине зимы.

А их уже повели к его камерке, подталкивая в спину. Мик шёл первым, поэтому не видел лица новоиспечённой жены, но слышал внезапно обострившимся слухом её тихие, почти неслышимые шаги. Как паршиво всё получилось.

Стражники остановились у его камерки, открыли дверь, буквально впихнули туда их обоих, захлопнули дверь и заперли снаружи.

Тянуло повернуться и посмотреть на новоиспечённую жену, но Мик не стал. Вместо этого зачем-то подошёл к кровати. Совсем не княжеской была его камерка. И слишком мала, для того, чтобы жить здесь вдвоём. Но жить им после сегодняшней ночи вряд ли придётся. И что-то новое всколыхнулось в груди. Мик робел. Не знал, что сказать той, кого князь назвал его

женой и не знал, как начать. Даром, что шут, в карман за словом не лез. Но это была всего лишь маска. А вот если открыть себя истинного...

Но Мик не успел. Только шагнул к кровати, чтобы поправить одеяло. Да и по правде спать хотелось после ночи в камере. Тем более, что этой ночью сна не предвидится. Наклонил голову, бубенцы зазвенели. Поэтому и не услышала шагов. Когда холодная сталь коснулась горла, он вздрогнул и невольно дёрнулся. И услышал за спиной.

– Мне терять нечего. Если ты тронешь меня, я тебя убью. – И столько ненависти было в словах, что Мику стало не по себе. Он снова дёрнулся и лезвие (наверное, кинжал) прочертило кровавую дорожку по шее. – Ты меня понял?

Пусть считает его за дурачка. Хотя почему-то её ненависть больно ранила. Он первый раз в жизни видел эту девушку (хотя нет, сегодня – второй), а она уже возненавидела его.

– Пусти меня краса-девица, – Мик скорчил жалостливую рожу, а потом расхохотался. Смеяться, как и плакать на заказ он умел лучше всего.

Девушка отпустила его. Он повернулся, чтобы снова увидеть презрение в её глазах.

– Дурак, – презрительно фыркнула она и гордо подняла голову. Ненависти во взгляде правда стало чуть меньше. Что ж. Ему давно уже не было дела до того, кто и за что его ненавидит.

Он отвернулся от своей новоиспечённой жены и повернулся к кровати, осматривая комнату. И вещей то тёплых не было – он почти не покидал замка. А в то, что князь расщедрится – Мик не верил. Видимо, это изощрённая месть – шуту за то, что посмел сказать то, что другим не дозволяется и девушке за то, что, видимо, посмела отказать князю. И он бы за это ей первой поплодировал, если бы все не так глупо сложилось.

Нири

Было страшно. Да так, что зуб на зуб не попадал. Но отец учил её никогда не показывать своих чувств посторонним. Кто бы знал, что это сослужит хорошую службу теперь, когда отца больше нет. Из груди рвались рыдания, но Нири сжала губы. Она не заплачет. Не здесь.

Она осторожно осмотрелась. Каморка, в которой она сейчас находилась комнатой то можно было назвать с натяжкой. Старая деревянная кровать, на которой в беспорядке валялись вещи, небольшая корявая тумбочка с отбитой ножкой, да маленькая печка, которая правда давала прилично тепла, а ещё маленькое оконце.

Нири шагнула к нему, осторожно оглянувшись на шута. Тот стоял, задумчиво глядя на кровать с улыбкой на пол лица. И впрямь дурачок. Блаженный, как таких называли у них. Только вот никто не наряжал их в дурацкие одежды и не заставлял делать разные глупости. Дикость какая! У неё дома уважали дурачков и старались не обижать их лишний раз. Потому что ясно дело – они Божьи люди и Творец может прогневаться за такое.

Но в этом проклятом краю всё по другому. Нири снова сглотнула подступившие слёзы и посмотрела в окошко. И тут же отпрянула. Окошко выходило на замковый двор. По нему сновали люди, слышалась брань, ездили сани и телеги, гружёные добром. Их с отцом добром!

От ненависти перехватило дыхание. Если она останется жива, то сделает всё, чтобы стереть князя с лица земли. Переда глазами снова встало лицо отца, который завалился на пол, зажимая руками рану в боку. Хорошо, что отец учил её владеть оружием, говорил, что они в опасном месте живут и надо уметь постоять за себя. Но до недавнего времени она думала, что это никогда ей не пригодится. Нири сжала в руках кинжал. Знакомый холод стали немного привел её в чувство. И она вспомнила слова князя. Что-то про ледяной дворец и о том, что надо пережить эту ночь. И расспросить бы кого, да она здесь никого не знала. Не дурачка же спрашивать!

А он стоял, там, где и пять минут назад, только теперь снял свою дурацкую шапку и бубенцы на ней тихо позвякивали от любого ветерка. Ей вдруг стало стыдно, что она на него напала. В конце концов на Божьих людей не обижаются. Они не понимают, что творят.

Наверное, князь взбесился от её отказа. Он действительно думал, что она согласится стать его наложницей (да хоть женой!) после того, что его люди сотворили с её отцом?! Отец не узнал бы свою дочь, увидь он её вчера. Она наговорила столько всего князю, да ещё и кинжал метнула (один из двух, подаренных отцом). Обидно только, что не попала! Вот только об этом она и жалела. А ещё о том, что не сможет отомстить за отца, если её жизнь закончится сегодня ночью.

А в том, что ей некому помогать, Нири уже убедилась. Она здесь только добыча, бесправная рабыня. И князь мечтал унижить её. Хотя больше уже некуда. Жена дурачка-шута. Да никто и никогда в здравом уме не позволил бы такому браку свершиться! Но отца-защитника у неё больше нет. А все родственники и друзья остались дома, далеко от этой проклятой небом земли.

Размышления прервал шум шагов, разговоры, а потом звук ключа, поворачивающегося в замке. Нири вздрогнула и едва поборолла позорное желание спрятаться, хотя бы под кровать. Последние дни она спала плохо, если вообще можно было назвать сном тревожные видения между сном и явью с кинжалом под подушкой.

– Эй шут! Не развлекаешься там с женой? А то мы еды принесли новобрачным!

Дверь распахнулась и Нири всё-таки отскочила к кровати, а шут наоборот вышел вперёд, напялив свою дурацкую шапку.

Глава 2

Мик

Его новоиспечённая жена боялась и тряслась как осиновый лист, и старательно это скрывала, чтобы никто не узнал. Скрывала страх за ненавистью. Он это видел, чувствовал, привык читать чувства людей. От этого порой зависела его жизнь. Правда, не всегда он делал правильный выбор. Но это уже его беда, а не вина.

Мик шагнул к двери, забрал тарелки с едой и отпустил пару шуточек, рассмешив стражу. Когда дверь за ними закрылась, он осторожно опустил одну тарелку на тумбочку, а со второй присел на кровать и ничего не стесняясь принялся за еду. Он не князь и о манерах нечего думать. Тем более, что сегодня расщедрились, наверное, в честь его свадьбы и ему даже перепало мясное рагу. Мик едва пальцы не облизал – настолько всё было вкусно.

Потом взглянул как спокойно не торопясь, удобно устроившись возле тумбочки, принялась за еду девушка, и вздохнул.

Но после еды мысли его перешли совсем в другое русло. Вечерело. Закатные лучи окрашивали комнату в причудливые цвета и ощутимо похолодало. Он должен пережить эту ночь, да и не он один. Ладно, о своей жизни Мик не особо тревожился. Сегодня она есть, а завтра нет. А вот за девушку переживал. Хоть она и ненавидела его, да и презирала пожалуй (что уж там), ей надо было помочь. И ради неё найти способ пережить ночь в этом проклятом ледяном дворце.

Скоро за ними уже придут. Надо бы собираться, да только что собрать? У него ничего нет, даже зимней одежды. Мик взял свою разноцветную сумку, в которую складывал обычно подачки знатного люда, и вытряхнул её на кровать. Несколько монет (зачем платить дурачку, да ещё и рабу, его и так содержит князь), сладости, бубенцы, разноцветные ленты, всякая другая мелочёвка, пару красивых камешков и свирель. Подумав немного, он распахнул монеты по карманам, зачем-то повертел в руках и положил туда же камешки, а потом, немного помедлив, засунул за пазуху и свирель.

За всеми его приготовлениями пристально наблюдала его новоиспечённая жена, отойдя к печке и зябко поёживаясь. Мик тоже шагнул к печурке, приоткрыл дверцу и молча докинул туда поленьев, хотя обычно он экономил дрова. На княжых милостях особо не разгуляешься. Но лучше пусть сейчас будет жарко. Тепло им понадобится.

Сделав всё, что хотел, Мик присел на корточки возле печи, наслаждаясь жаром и слушая как горит огонь. Нагреться бы, да побольше, если бы можно было, то и на всю ночь. Вот так, сидя возле огня, Мик почти забывал о том, что он сейчас не один в этой комнате и о том, что ему сегодня предстоит. Он привык к одиночеству. А книги ему давно заменили реальных людей. Всё-таки за это одно надо сказать спасибо князю – однажды он решил, что ему нужен образованный шут, чтоб и сказку мог почитать и учёный трактат. Ну да, труды учёных в чтении шута выглядели особо смешно. Князь Литар и его приближённые бывало покатывались со смеха, слушая, как он читает какой-нибудь заумный философский трактат или историю государства, позвякивая бубенцами на шапке.

А Мику было интересно. Он жадно проглатывал одну книгу за другой. И порой ночами не мог заснуть, мысленно споря с авторами заумных трактатов.

Задумавшись, он не сразу услышал шаги за дверью, и только скрип отворяемой двери, заставил очнуться.

– Ну что, шут, пора. Его Княжеское высочество желает видеть вас с супругой. – И воин подмигнул ему. Мик не оставил это без ответа и сложив губы трубочкой жалобно запищал,

позванивая бубенцами в такт. Воин расхохотался и открыл дверь, призывно приглашая его на выход.

Мик помедлил немного, обернулся на жену, но воины уже шагнули к ней, так что она тоже поспешила следом. Такие знакомые переходы. Он выучил все ходы и выходы в этом замке наизусть. Наконец, их привели в пиршественный зал. И он, внезапно оказался полон. Какое представление хочет устроить князь?

Мик привычно выполнил несколько трюков, повеселив публику, а потом поклонился, сметая шапкой пыль с пола.

– Встань шут, – произнёс князь. – И пойдём за мной. Сейчас свадебным кортежем отвезём мы вас с женой в Ледяной Дворец на пуховые перины. Чтобы всё честь по чести было.

И князь Литар встал, направившись к выходу. За ним стражники подтолкнули шута, чтобы шёл едва ли не след в след. А за ними из зала потянулись все желающие. Интересную князь придумал забаву.

Когда они вышли во двор, ярко освещённый фонарями, Мик поёжился. Было очень холодно. Последний месяц зимы выдался на диво морозным и снежным. Не хотела видно зима уходить. Скосив глаза, он увидел, как рядом зябко поёжилась его новоиспечённая жена. Накрыть бы её чем, жалко ведь. Но у него самого ничего не было. Сейчас он пожалел, что не захватил одеяло из комнаты. Какое никакое, а оно бы немного защитило от холода.

– Шут, оказываю тебе свою княжескую милость, – Мик поднял голову и посмотрел на князя. Шутить не было настроения и сил. – Подайте новобрачным одежду.

Тут же подбежали слуги с шубами. Ого, вот это князь расщедрился! Мик взял шубу, хотел было укутаться сам, но сначала взглянул на жену. Ей тоже уже подали одежду. Хорошо. Кроме шубы, князь выдал им ещё высокие меховые сапоги и шапки.

– А теперь сажайте их в сани и поехали. – Придворные заулюлюкали, когда во двор въехали огромные сани, запряжённые четвёркой белых лошадей и ещё маленькие, почти детские санки, запряжённые козлом. Ну да, на чём же ещё ехать шуту? И на больших и на маленьких санях висело несколько фонарей, разгоняя ночную тьму.

Грянули раскаты смеха, когда стража толкнула его и девушку в санки. Мик бы помог ей, сказал что-нибудь ободряющее, но как назло, в голову ничего не лезло. Отвык он от нормальных разговоров. А с девушками так и вовсе никогда общаться не умел, даром что шут. От него умных речей никогда и не требовали.

Наконец прозвучала команда и сани тронулись. Выехали из ворот, объехали вокруг замка и покатались вниз, к селению, туда, где на одиноком пригорке стояла новая забава Его Высококняжества – Ледяной Дворец.

Полностью построенный из ледяных глыб и освящённый сотней, наверное, фонарей, Дворец выглядел величественно. Едва ли не прекраснее, чем князев замок. Только вот красота его была холодной и пугающей. Мик раньше никогда не видел этот Дворец вблизи – всё как-то не доводилось. Каждую весну он таял, а каждую зиму, как только подмораживало – его собирали вновь. Такова была прихоть князя. Только говорят, что каждый раз его строили по новому плану. А специально нанятые люди придумывали и рисовали каждый год новый план дворца.

И вот теперь и предстояло провести здесь ночь. Было немного страшно, чего уж там, но Мик молчал и улыбался. Два раза не умереть, а одну смерть всё равно не избежишь, так что зачем тратить, может быть, последние минуты на бессмысленный страх?

Княжеские сани остановились. Двое воинов подошли к Мику с женой, ещё двое ждали возле самого князя. В темноте, да по льду, что окружал Ледяной Дворец далеко не уйдёшь. Так что мысли о побеге Мик отнёс сразу.

– Вылезайте, новобрачные! – Ухмыльнулся князь Литар. – И проходите на пуховые перины в ваш новый дом.

Воины взяли Мика под руки. Один с одной стороны, другой с другой – так чтоб не вырваться. Ещё двое – взяли его жену. Она вдруг, увидев, куда их ведут, начала вырваться. Бесполезно. Её держали крепко.

– Обыщите их! Чтобы огня с собой не было.

С Мика сняли шубу и заставили вывернуть карманы. Это всё уже во дворце. На ледяной пол покатались камни, монеты и свирель. Больше ничего. И всё это под свист толпы. Заслышав про развлечение, из домов повыглядывали жители, а узнав в чём дело, присоединились к придворным, что стояли возле князя, перешёптываясь и делая ставки – продержится ли он с женой до утра, или нет.

– Счастливой вам брачной ночи, шут! – Хмыкнул князь Литар и собственноручно закрыл за ними тяжёлую ледяную дверь, сразу словно отрезав все звуки.

Где-то там, за дверью осталась бесновавшаяся толпа. Стихли крики и шутки. Мик подёргал дверь – заперто. И взломать нечем. Но даже если это и удастся – он был уверен, что князь оставил нескольких воинов охранять дворец. Да и толпа вряд ли обрадуется если шут выйдет из дворца до утра. А если ещё честнее – разорвут на части. Им ведь нужно только медовухи, да зрелищ. И вряд ли они угомонятся до утра.

И всё-таки он должен был проверить. Дворец был сделан честь по чести – всё как в настоящем замке – несколько комнат, отделённых ледяными стенами. В каждой комнате – ледяная мебель, а ещё светильники. Только пламя их не грело и поджечь ничего не могло – такое топиливо привёз как-то князь из очередного похода. Кровать, стол, столы – всё изо льда. И даже подобие окон с ледяными стёклами. Мик быстро оббежал несколько комнат, проверяя окна. С трудом, но он рассмотрел и воинов, и толпу, которая никак не хотела расходиться. Значит точно, один выход – ждать до утра.

А холод уже начал чувствоваться, пробираясь даже под шубой. Если ему так, то каково его жене? Считает она его дурачком или нет, а надо что-то придумать. Уж ей то никак нельзя замёрзнуть. Не её ведь вина, что её выдали замуж за шута. А его, значит, сделали ответственным за девушку.

А его новоиспечённая жена уже дрожала от холода. Как хоть её зовут? Не «эй» же называть! Хотя, он шут, а от шута вряд ли кто ожидает вежливости.

Раздумья не мешали ему осматриваться во дворце. Согреться на таком морозе можно либо если всю ночь не присаживаться, а ходить или, допустим, танцевать. Либо можно попробовать придвинуться друг к другу плотнее и накрыться обоим двумя шубами. Но это он оставит напоследок. Вряд ли девушка, грозившаяся его убить, согласится сидеть с ним почти в обнимку.

А значит остаётся первый способ. Вот только как бы это ещё донести до его жены. Мик вытащил из-за пазухи свирель (не зря, всё-таки, взял, оказывается) и подул. На морозе она жалобно зазвенела. Не отморозить бы пальцы и губы, пока будет играть. Девушка посмотрела на него, кажется даже с интересом. Поэтому Мик улыбнулся уголками губ и сказал:

– Давай танцевать!

Нири

От холода уже сводило ноги, а, самое главное, он, казалось, проникал в душу, уговаривая сдаться. Зачем бороться? Какой в этом смысл? Нири в сотый раз напоминала себе о мести, но и это уже почти не помогало. Она понимала, что в Ледяном Дворце один на один с дурачком, никакой надежды у неё нет. Поэтому, когда услышала странные звуки, даже сначала не поняла, что это и откуда. И только потом подняла глаза на шута.

Нет, он точно блаженный. В таком холоде больше делать нечего, кроме как на свирели играть. А потом он произнёс:

– Давай танцевать! – и протянул ей руку. Она покачала головой. Зачем? Она ещё не настолько безумна.

А шут вдруг перестал играть, вздохнул и посмотрел на неё, как ей показалось, с укором.

– Красавица, я не знаю, как тебя зовут, но если ты хочешь насмерть замёрзнуть к утру, можешь и дальше стоять и смотреть в одну точку.

Нири вздрогнула и посмотрела на шута. Может ли такое быть, что он вовсе не тот дурачок, которым казался ей? Его глаза смотрели строго и немного печально. А вот безумия там не было ни на каплю. На секунду вновь стало страшно. Но сталь кинжала холодила кожу под платьем. Если бы он хотел с ней что-то сотворить, то уже показал бы свои намерения. Поэтому, помедлив чуть-чуть, Нири тихо ответила:

– Я – Нирианна, можно просто Нири.

– Мик, – кивнул шут. Бубенцы на его колпаке снова звякнули, но лицо при этом оставалось прежним. Никаких гримас и ужимок. – Давай, танцуй. Иначе, Нири, ты замёрзнешь здесь ещё до утра. – И он снова поднёс к губам свирель.

Нири встала и попыталась неуклюже покружиться в такт мелодии. Когда-то, кажется словно в другой жизни, она умела танцевать. И даже любила кружиться по залу. Но не одна, а с партнёром. Всё это словно осталось в прошлой жизни. А сейчас, в этой – она просто пыталась притоптывать ногами в такт незатейливой мелодии. Но шуба мешалась. Да. Долго она так не протанцует.

А шут вдруг скинул с себя колпак, надетый поверх шапки, ненадолго прервав музыку. Подул на озябшие руки, а потом заиграл что-то весёлое. Она бы никогда, скажи ей кто это раньше, не поверила, что на свирели можно сыграть так, чтобы ноги сами пустились в пляс. И всё же Нири медлила. И вдруг шут схватил её за руку. Поначалу она испугалась. Так что захотелось вырвать руку и броситься прочь. Но он просто увлёк её в танец, и Нири расслабилась.

Прикрыла глаза. В полумраке этих странных негреющих светильников было легко предположить, что она сейчас в большой зале своего родного замка. И отец после сытного ужина объявляет танцы. И сейчас полон зал гостей, а музыканты настраивают инструменты. И вот один из гостей, возможно Варик, соседский сын, приглашает её на танец.

Нири увидела это словно наяву. Несколько ночей без сна, напряжение последних дней и жизнь впроголодь сыграли с ней дурную шутку. И она, выплясывая с шутком заводные па, уже почти поверила, что откроет глаза – и снова очутится в своём родном доме. А отец будет усмехаться в усы и хлопать в ладоши.

Куда-то подевался и холод и ужас последних дней. Остался только этот странный, безумный танец, который резко оборвался на высокой ноте. Нири открыла глаза и едва не разрыдалась.

– А ты, как я посмотрю, прекрасно танцуешь. – Она обернулась к шуту. меховая шапка съехала набок и из-под неё торчали почти белые волосы. Шуба его была расстёгнута, а в красных от холода руках зажата свирель.

– Я училась танцевать когда-то, – тихо ответила Нири. Снова вернулся страх. И ещё вопрос – что ей делать и куда идти. А потом и холод начал заползать под шубу, пощипывая разгорячённое танцем тело.

– Иди сюда, – произнёс вдруг шут, показывая на место, рядом с собой. – Под двумя шубами, если прижаться вплотную – теплее. Если начнёшь замерзать – можно будет опять потанцевать. До утра ещё долго.

Нири молча покачала головой. Сидеть рядом с ним? Танцевать с ним? Что на неё нашло? Если он не дурачок, то значит очень хорошо притворяется. Особенно, если учесть то, что князь отдал её ему.

– Иди, иначе замёрзнешь. У тебя ведь кинжал с собой, – хмыкнул шут. – А у меня – никакого оружия. Ну хочешь, я к тебе спиной сяду, чтобы ты могла держать кинжал у моей шеи, сколько тебе вздумается.

Его голос... Пожалуй, так уговаривают маленького ребёнка. Нири вспыхнула и тут же торопливо перешла к нему. Шут (как его там, Мик что ли?) сел в самой середине зала. Нири дала ему свою шубу, тут же задрожав от холода.

Шут ловко присел на пол, подвернув под себя ноги и кусок шубы, чтобы теплее было сидеть и похлопал призывно рядом. Нири быстренько села рядом, прижимаясь своей спиной к его. А Мик ловко накрыл их обоими шубами. И всё же...

– Зачем тебе это? – Тихо спросила Нири.

– Раз я теперь твой муж, значит я теперь несу за тебя ответственность.

Глава 3

Мик

Странная девушка. Боится его больше, чем умереть от холода. На его памяти, Мика никто никогда не боялся. Смеялись – да, издевались – да, даже злились и обижались, но не боялись – где они и где – шут. Да что он им может сделать?! Наверное, в этом и была месть князя. Подумал, наверное, что ему от власти снесёт голову. Он уже наблюдал такое, когда бывшим рабам вдруг давали вольную. Князь иногда проверял их, но чаще – хотел повеселиться. И только малая часть начинали нормальную жизнь. В основном, никто не выдерживал испытания свободой и возможностью делать то, что вздумается, а чаще и иметь власть над чужой жизнью. Хотя власть над слабым немногого стоит.

И всё же Мик навиделся грязи с лихвой. И это было... Противно. Кем бы он не был, но никогда он не станет таким. Поэтому, посмотрев украдкой на свою жену, он тихо вздохнул.

Она сидела, прижавшись к нему, даже не спиной, а боком, напряжённая вся, словно стрела, готовая вскочить, убежать, воткнуть в него кинжал и какие там ещё у неё мысли. Решительная и красивая. Мик снова вздохнул. Ну хоть кинжал в него не воткнула – и то хорошо.

Интересно, она до сих пор думает, что он – дурачок? Хотя, честное слово, он иногда и сам так думает. Какая впрочем разница, кто и что думает – молчать было невыносимо. А холод снова начал пощипывать руки и забираться под одежду. Потанцевать что ли снова.

– Нири, – она вздрогнула и отодвинулась от него настолько, насколько позволяла их общая на двоих шуба. – Не хочешь ли ещё потанцевать? Я знаю много мелодий. – Он храбрился. Но лучше умереть с улыбкой на устах, пытаясь выжить, чем оплакивать то, что ещё не случилось.

– Нет, – она тихо покачала головой. И замолчала. Наверное, хотела что-то ещё сказать, да побоялась. А холод уже чувствовался всё серьёзней. Надо что-то делать.

Мик выскользнул из-под шуб, оставшись в тонком костюме.

– Ты куда? – Нири подняла на него глаза. – Замёрзнешь!

Не сказать, чтобы её внимание было неприятно. Но Мик только ухмыльнулся. Потом достал свирель и начал играть и приплясывать всё сильнее и сильнее. Он – взрослый мужчина и не замёрзнет. Всего лишь представить на секунду, что ему снова всю ночь напролёт надо веселить князя. Причём как-то Его Высококняжество придумал такую забаву – всю ночь шут не должен был присаживаться и останавливаться ни на минуту – только танцевать, приплясывать и крутиться колесом. Если остановится – смерть. Это было, когда он разозлил князя в первый раз, вступившись за убогого странника.

Мик выдержал. Пусть к утру не чувствовал ног и провалился несколько дней, едва живой в своей комнате, но даже ушёл из зала он на своих двоих, весело хохоча. А что происходило с шутлом за дверями его комнаты, до того никому никакого дела не было и быть не должно.

И вот сейчас, всего лишь если представить... А жена пока пусть согреется. В двух шубах даже если не плясать всяко теплее. И он заиграл весёлую мелодию и начал приплясывать и притоптывать ногами. Всё сильнее и сильнее. Мелодия всё ускорялась и ускорялась. Под конец Мик отложил свирель и прокатился по залу колесом. Раз, потом ещё раз, потом прыгнул на руки, чувствуя, как прилипают тёплые пальцы ко льду. Это была плохая мысль!

И всё же он прошёлся на руках, потом несколько раз ещё прокатился колесом. Ему бы не растерять свои навыки. В жизни надо зарабатывать тем, что умеешь лучше всего. Мик хмыкнул и начал собирать с полу то, что вылетело из его карманов, пока он крутился. Камешки, монеты, о, яблоко! Замечательно!

Мик встал, широко расставив ноги и начал жонглировать всей этой мелочью. Обычно его хватало не надолго, но всё-таки достаточно для того, чтобы посмешить князя со придворными. И этому его кстати тоже научил захожий странник.

В очередной раз поймав камешек, Мик поразился тому, какой он горячий, едва в руках удержал. Горячий?!

Он остановился, поймал этот камень и шагнул к жене, которая с каким-то странным видом наблюдала за ним.

– Можно? – Спросил он зачем-то, прежде чем залезть под шубу.

– Да, – кивнула она и немного подвинулась. Наверное, её было неприятно прижиматься к нему. Ну конечно, если не думать о том, что он шут – она сразу видно, птица высокого полёта, не чета ему – рабу и голодранцу.

Под шубой было тепло. А ещё теплее – от камешка, что он держал в руке. Даже больше – он почти обжигал. Да что за камень такой странный?

Он отложил яблоко и всё прочее, чем жонглировал и уложил камешек на ладонь. Ровный, серовато-синий, с гладкими краями. Такие, наверное, выносит на берег море. Он читал об этом. А ещё слышал рассказы мимоходящих странников.

Камешек действительно согревал. На открытой ладони да на таком морозе он должен был давно остыть, но не остывал. Наоборот, грел, давая ровное тепло.

– Потрогай! – Мик не смог сдержать восхищения, протягивая камень жене. Вот это чудо!

– Горячий! – Она дотронулась до него, а потом спросила недоумённо. – Что это за камень? Откуда?

– Не знаю, – Мик покачал головой. – Один странник дал мне его, в благодарность.

Он хмыкнул, покачал головой и замолчал. По правде сказать, там и благодарить то было не за что. Просто как-то пару лет назад, грязной промозглой осенью, к ним забрёл странник. Старик, с длинной белой бородой и седыми жидкими волосами. Выглядел он жалко, а рядом притулилась такая же жалкая собака. Закон в этих землях был суров – если хочешь крова и тепла, если желаешь, чтобы тебя накормили – отработывай как умеешь. Кто-то – играл музыку, кто-то – пел, надеясь понравиться князю, кто – жонглировал или смешил народ, кто – обучал разным всяким трюкам собаку, кто рассказывал дивные сказки или истории, да такие, что заслушаешься. Но старику было холодно и голодно, он кашлял, его глаза слезились, а голос от простуды совсем пропал.

Мик тайком приютил его в своей комнате и как мог – выхаживал – делился с ним и его собакой своей едой, да лечил, как знал и умел. Благо, вовремя подслушанные разговоры, да прочитанные книги, рассказали ему, что и какими травками лечится. Разбирался он в этом конечно мало, но учился усердно. Кто знает, какое умение пригодится в жизни.

И так бы они со стариком и разошлись, каждый своей дорогой, если бы кто-то не доложил князю. Тот тогда заставил его танцевать ночь напролёт, кривляться и прыгать. И Мик еле уполз живой, сказав старику, что надо бы побыстрее уходить из негостеприимного замка. Благо тот уже оправился. Мик даже имени его не спросил. Но, уходя, тот в благодарность, дал ему этот камень.

– Всё, чем богат, – протянул ему странник свой подарок на ладони, а его неожиданно острый взгляд заставил вздрогнуть. Сколько времени прошло, а этот его взгляд так и не стёрся из памяти. – Он тебе ещё пригодится.

– Благодарю, – кивнул Мик.

– Не затуши свой огонь, – совсем уж непонятно пробурчал он.

Что за огонь? И вот всё забылось, а эти слова нет. И сколько он не ломал голову, а так и не приблизился к разгадке.

И вот ведь действительно как вышло – камень действительно пригодился. Мик осторожно разжал руку и камень выскользнул на пол дворца. Замёрзнет или нет? Он зачарованно следил, как камень прокатился совсем чуть-чуть, а потом так и остался лежать на льду.

Мик протянул к нему руку. Тёплый. И даже греть, кажется, начал сильнее. Поднял его с пола – лёд ни капли не подтаял. Может быть камень сродни тому топливу, что горит сейчас здесь в ледяных сосудах, не давая тепла? Но камень то был тёплым!

– Можно потрогать? – Спросила Нири, которая тихо сидела рядышком, кажется, так же увлечённо наблюдая за странным камешком.

– Конечно. Придвигайся ближе.

Кажется, они в эту ночь всё-таки не замёрзнут. Нири осторожно подвинулась к камню и протянула руки. От него исходило тепло.

– Как у очага, – изумлённо проговорила она.

– Ну, как видишь, видишь, замёрзнуть нам не грозит. Теперь у нас есть свой очаг, – хмыкнул Мик. И то ли так разморило их тепло, то ли ночь тому виной, но ему даже показалось, что девушка стала бояться его чуть меньше.

– Что ты будешь делать, красавица, если выберешься отсюда живой? – Он не спросил бы этого ещё утром. Но ночь – волшебное время, оно стирает все границы. К тому же, шуту и стесняться?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Ты думаешь, князь отпустит меня? – Она говорила спокойно, даже равнодушно, но Мик видел, что она боится поверить в то, что такое вообще возможно.

– Он обещал даровать свободу.

– Я вернусь домой, – тихо ответила Нири, когда Мик уже и не ждал ответа. – Там ждёт меня дядя, он поможет отомстить за отца. – В её голосе слышалась горечь и ненависть. Воительница. Мик невесело усмехнулся. А куда податься ему? И словно прочитав его мысли, Нири спросила:

– А куда пойдёшь ты?

– Не знаю, – хмыкнул Мик. – Мне некуда идти. Я попал к князю совсем мальчонкой и ничего не помню о своей прошлой жизни.

– Что, совсем ничего? – Нири вроде бы даже с интересом спросила.

– Совсем, – Он пожал плечами. – Наверное, раньше я тоже был таким же рабом, как и сейчас. Только сменил хозяина.

Он почти почувствовал презрение, исходившее от неё. Но он привык. Несколько минут молчания. Он даже пригрелся сидя у камня, да так, что начал уже дремать. И вдруг девушка снова заговорила.

– А ты хоть хочешь уйти отсюда? Чем ты будешь заниматься, если князь даст тебе свободу?

– Не знаю, – покачал головой Мик. Он на самом деле никогда не думал об этом. Что толку мечтать о несбыточном? Он привык жить одним единственным днём. Ведь завтрашний может и не наступить. – Наверное, пойду посмотрю, как живут люди у других князей в больших городах. Шутам везде почёт. – Он хмыкнул.

– И что, ты никогда не хотел оставить свои дурачества? – Снова презрение в голосе, даже слишком явственное. Но Мик не обижался. Да, он – дурак, и никто его никогда всерьёз не принимал, даже, пожалуй, князь. Он давно привык к этому.

– Зачем? Каждый должен делать то, что умеет лучше всего. Если я умею смешить людей, что в этом плохого? Шуту никогда не быть ни учёным, ни воином, ни князем.

– Тебе нравится, что все над тобой смеются и считают тебя дурачком? – Голос его жены дрожал. Ненависть? Злость? Презрение? Мик не знал. Но она вся была как огонь – яркая, вспыльчивая и красивая.

– Нравится? – Он помолчал немного, размышляя. – Нет, пожалуй. Но с чего ты взяла, что меня только лишь считают дурачком? Может быть я в самом деле безумен и глуп?

Он осторожно повернулся к Нири, так чтобы не упали шубы, под которыми сохранялось тепло и внимательно посмотрел на неё. Наверное, слишком пристально и внимательно, слишком дерзко. Шут не должен так смотреть, а раб тем более. Но дело в том, пожалуй, что Мик никогда не считал себя рабом, хоть и не мог никуда пойти без воли князя. Да не больно то и хотелось. Он ничего не знал, кроме княжьего замка, а дальше этой деревни никогда не выходил. Он мог бы уйти, вопрос куда. И вот сейчас, глядя на Нири, которая, не выдержав его взгляда, отвернулась, вдруг поймал себя на мысли, что готов уйти.

Нири

Шут смотрел на неё так внимательно и пристально, что она смутившись, опустила глаза. Казалось, этот взгляд проникал прямо в душу, словно он знал всё, не требуя ответа. Как он сказал – вдруг он и впрямь дурачок? Не может быть такого взгляда у дурачков. Ясные, голубые как летнее небо, глаза шута и его внимательный взгляд пугали и одновременно завораживали. И всё же, теперь, пожалуй, она его больше не боялась.

Интересно, что это за камень, который спас их этой ночью? Нири попыталась отвлечься от странных мыслей и подвинулась ближе к камню, протягивая вперёд руки и греясь как над очагом. Сколько секретов, оказывается хранит шут и его одежда!

От камня исходило тепло, такое обволакивающее, оно горело и грело и размаривало и хотелось свернуться клубочком здесь возле этого камня, на ледяном полу, и уснуть, забыв о всех тревогах. Слишком долго она не спала. И слишком тяжело это было.

Кажется, она всё-таки задремала, потому что очнулась от голоса шута.

– Скоро рассвет!

Она вздрогнула, увидев что прислонилась спиной к шуту, а голову почти склонила ему на плечо. Сердце забилося. Вновь на секунду стало страшно. Нири отшатнулась и вскочила на ноги, роняя шубу. Но шут даже не повернулся к ней, только отодвинулся, давая ей встать. Нири выдохнула, страх потихоньку отпускал, а ледяной зал был залит призрачным светом занимающегося дня.

И вправду, уже почти рассвело. Скоро, значит, князь придёт за ними. И отпустивший, вроде бы, страх, снова сжал сердце ледяными тисками. Она вспомнила князя, его отвратительный взгляд, его мерзкую усмешку, и стало страшно. У неё не было до сего дня времени бояться, и вот сейчас, страх накатил с внезапной силой.

И словно подтверждая её страх за дверью послышались шаги. Нири обернулась, ища глазами шута. Он вскочил с пола, напяливая на голову свою дурацкую шапку с бубенцами, поднял с пола камень, согревавший их всю ночь и запихнул в карман, потом кинул ей шубу.

– Держи, Нири, – и улыбнулся. Так, что вдруг стало теплее на душе. Не усмешка, не оскал, а добрая улыбка. И он назвал её по имени. Почему-то ей это понравилось.

А сам шагнул вперёд, вставая возле двери. Когда послышался скрежет замка, шут соорудил самую дурацкую рожу и Нири даже передёрнуло. Показалось, что перед ней снова дурак. Сколько же у него масок?

Через мгновение дверь распахнулась, впуская свежий воздух и первые солнечные лучи. На пороге стоял князь и его приближённые, а чуть поодаль толпился народ. Наверное, со всех окрестных деревень сбежались сюда посмотреть на невиданное развлечение.

– Шут! Живой! – Выдохнул князь. Из рта его шёл пар, а на лице его промелькнуло изумление.

Живой! – Ахнула следом толпа. Кто-то даже задрал голову к небу, видимо зашептал молитву.

Мик шагнул вперёд, склонил голову, бубенцы на шапке громко зазвенели и весело проговорил:

– Как я мог замёрзнуть, ведь Вашекняжество сам одарил меня замечательной женой, да ещё и свободу пообещал?!

Кое-кто из придворных расхохотался, а Нири захотелось придушить шута. Зачем он говорит про неё? Теперь князь, даже если и забыл, снова вспомнить про её существование.

– Кстати, а где твоя жена? – Медленно повернулся князь, ища её глазами. – Неужто умирал? – И снова смешки.

Шут сделал шаг назад и вдруг схватил её за руку, да так неожиданно, что Нири не успела вырваться. Она, было, дёрнулась, но услышала на границе слуха шипение Мика:

– Тихо!

Он вытащил её вперёд, на свет, поставил рядом с собой прямо перед князем:

– Вот же она, Вашекняжество.

И держал крепко. И Нири чудилось какое-то особое тепло от его ладони. Князь смотрел на неё с интересом, не мигая, а потом вдруг обратился к ней:

– Ну что, понравился тебе, мой выбор мужа, леди Нирианна? – Он подчеркнул слово «леди». Что ответить? Она сказала бы что угодно, лишь бы досадить князю. Поэтому, вздёрнув подбородок вверх, она сжала губы и медленно проговорила:

– Очень понравился, благодарю. – И ни слова больше не добавила. Не будет она титуловать убийцу отца. Слишком много чести!

На лицах придворных застыли усмешки, кто-то перешёптывался. Она видела, как передёрнулся словно от пощёчины князь.

– Что ж, поздравляю вас с началом семейной жизни. Ваша брачная ночь окончилась благополучно, – при этих словах князь скривился. – Проси у меня, чего хочешь, шут!

Нири с тревогой взглянула на Мика. Дурацкая гримаса не сходила с его лица, и руку её он не отпускал. А ну как сейчас пожелает себе отдельного дома и её в жёны. На самом деле, а не по воле князя.

– Чего же мне хотеть, Великий князь? Ты ж меня всем наделил. И свободу обещал.

– Свободу? – Князь нахмурился. – А зачем тебе свобода?

«Не отпустит», – поняла Нири, тянет время. Что бы ни пожелал шут, это уже не имеет значения. Князь просто их не отпустит. Она нащупала за пазухой кинжал. Лучше смерть, чем такая жизнь!

– Ну как же, – всё-таки ответил Мик и дёрнул головой. Бубенцы на шапке снова зазвенели. – Мир посмотреть, себя показать. На хлеб-соль заработать. Я ж теперь как никак женатый человек, – И он свернул губы трубочкой и пискнул, словномышь. Придворные так и покатались со смеху.

– Ладно, так и быть. Объявляю своего шута свободным человеком. Пусть идёт на все четыре стороны, коли хочет. – Произнёс князь. Высокий, полный, в огромной шапке и толстой шубе, он походил на огромного медведя. – Иди, шут. – Кивнул он.

Мик, не выпуская её руки, сделал несколько шагов прочь из дома. И тут их догнал знакомый голос.

– А вот жену твою я не отпускал.

Глава 4

Нири заледенела. Она так и знала. Им не дадут уйти. Против воли дурацкий страх сковал сердце. Теперь им никто не поможет. Отчаянье завладело ей, хотя отец и учил никогда не отчаиваться. «Из любой, даже, казалось бы, безвыходной ситуации, всегда есть выход, помни девочка», – говорил он. И всё же Нири поддалась отчаянью.

– Куда же я без жены, Вашекняжество?! – Нири обернулась на шута. Он состроил придурковатую гримасу. Из рта шёл пар, а ресницу у него покрылись инеем. Наверное, она сама выглядит не лучше. Но почему-то при взгляде на него стало тепло. Пусть он дурак, правда не в том смысле, как она полагала. Но разве не дурак будет хотеть вернуться к тому образу жизни, что сейчас ведёт? И всё же Нири, пожалуй, нравился шут. – Вы же сами нас благословили. А воля князя – закон. – И шут хмыкнул, как показалось Нири, зло, дёрнув бубенцы на шапке.

Она украдкой посмотрела на князя. Задумался. Решает, как выкрутиться. И тут вдруг Нири поняла, что лучше будет женой шута, чем князя. Тем более, что шут оказался достойнее. Подумать только! Она бы рассмеялась, будь у нее силы. Но от голода и холода ноги подкашивались и хотелось спать. Но она заставляла себя стоять прямо, гордо подняв голову. Убийца отца не увидит её слабости!

Придворные молчали. Наконец кто-то самый храбрый из толпы вдруг выкрикнул:

– Отпусти их, Ваше Княжеское Высочество!

– Да, отпусти!

– Отпусти!

Послышалось со всех сторон. Нири приободрилась. Князь не решится пойти против народа.

– Ну что-ж, – наконец заговорил князь. – Отпущу. – Но вот мерзкая улыбка на его лице никак не вязалась с его словами. – И жену твою, шут, тоже отпущу. Вот только незадача – шута то у меня теперь нет. Пока я нового найду, пока сошью ему костюм. Вот что, снимай ка, ты свою одежду. Тем более жене твоей она без надобности. И шубу снимай. А жене твоей так и быть оставлю барский подарок со своего плеча. – И он довольно усмехнулся.

Придворные зашлись смехом, а Нири почувствовала, что краснеет. Сейчас Мик замёрзнет до смерти. Куда они дойдут в таком виде?! И это всё из-за того, что он попросил отпустить её. А он ведь шут и ничего ей не должен. Князь ведь предложил ему всё, что душа пожелает. А он зачем-то выбрал её.

– Как Вашекняжество пожелает, – только хмыкнул Мик в ответ. И начал раздеваться. Сначала скинул шубу, потом шапку, следом полетел шутовской колпак, обнажив растрёпанные белые волосы. А Нири вдруг поняла, что он не сильно и старше её самой.

Придворные смеялись и улюлюкали, подбадривая шута, а князь смотрел на это на всё благодушно улыбаясь. А что, он исполнил ведь своё обещание.

Только простой люд молчал. Нири не могла понять – по нраву им новая забава князя или нет. А Мик снял уже разноцветную рубашку, стянул с себя сапоги и штаны, аккуратно уложив на лёд и оставшись в одном исподнем.

– Достаточно, – милостиво кивнул князь. – Теперь разрешаю вам уйти.

– Пойдём, – кивнул ей Мик, взял за руку и спокойно и просто повёл прочь от князя.

Народ молча расступился перед ними. Никто больше не смеялся. Даже придворные, и те замолчали. Но никто и не поспешил дать тому, кто веселил их столько лет, одежду. Все просто стояли и молча смотрели на них. И от этих молчаливых взглядов хотелось кричать, сказать, что так нельзя, что сейчас ведь не лето.

Но Мик медленно вёл её за собой и Нири боялась даже представить, каково ему ступать босыми ногами по снегу. Она дёрнулась, захотела остановиться, вырвать свою руку, сделать хоть что-нибудь, но Мик только молча покачал головой, едва видно, так, чтобы никто не заметил.

Тут только Нири подняла голову и посмотрела, куда они идут. Шут уже миновал деревню, последние домики остались за спиной. И все зеваки потихоньку расходились по своим домам. Мик вёл её к лесу, туда, где проходил сейчас санный тракт.

– Ты куда? – Тихо спросила она.

– Потом, – одними губами прошептал шут. Губы у него уже посинели, а рука начала ощутимо дрожать. Он же сейчас замёрзнет, прямо рядом с ней! Надо остановиться! Почему-то паника и страх за Мика охватили её. Но он словно почувствовал, ускорил шаг и потянул её туда, где стеной темнели вековые сосны.

Интересно, сколько вообще человек может прожить на таком морозе? Нири пыталась отвлечь себя любыми мыслями, лишь бы не думать, что... Кажется, несколько лет назад, когда ей было десять или одиннадцать лет, к ним в замок приехали бродячие комедианты. Стоял лютый мороз, ещё сильнее, чем сейчас, и вот они показывали за деньги некоего человека, что почти голым мог простоять на морозе полчаса или час, она уже забыла. Но вспомнилось, как во все глаза смотрела на него, помнила лёд на его бороде и ресницах, а ещё синие губы и уши. Но вот что с ним стало дальше, выжил ли он вообще, она, хоть убей, не помнила.

А Мик наконец завернул в лес и обернулся зачем-то. В самом лесу тракт почти сразу заворачивал вправо. Он удовлетворённо хмыкнул, потом остановился и выплюнул на ладонь изо рта тот самый камешек и монету.

– Тут нас никто не видит, – с трудом дрожащими губами прошептал он.

Видно было, что и волшебный камень, который он так ловко припрятал не сильно то помог ему. Может от скорой смерти прямо сейчас спас, да и только.

– На, надень, – Нири вздохнула, а потом решительно расстегнула шубу и скинула с себя, подавая шуту. Холод сразу забрался под платье, вышибая дыхание. Но ему нужнее. Потом она скинула сапоги. Сначала один, потом другой. В тонких носочках сразу стало холодно, да так, что мороз сразу пробрал до костей. Как же Мик вообще сюда дошёл босиком?!

– Спасибо, – шут кивнул ей, не споря и сразу оделся. А потом немного помолчав вдруг попросил, – Дай мне свой кинжал.

– Зачем? – Оторопела Нири.

– Пожалуйста, – вздохнул он в ответ.

Нири протянула ему кинжал, и Мик, притаптывая в сапогах, чтобы побыстрее согреться, быстро и ловко немного укоротил шубу, отрезав кусок меха от подола. Потом скинул с себя сапоги и вернул ей:

– Держи.

Нири молча надела. Стало теплее, но не намного. Без шубы холод пробирал до костей, хотя она старательно вспоминала уроки танцев, пытаясь исполнять замысловатые па на скользком утоптанном снегу. Получалось с трудом, но хотя бы не так холодно. Из-за мороза она не сразу сообразила, что Мик собирается делать. А он разрезал кусок от шубы пополам и вывернул кожей наружу, так что мех оказался внутри, а потом быстро приладил на ноги, получив что-то вроде утеплённых носок.

Нири сообразила, что он делает, подхватила кинжал и срезала тесьму с платья. Мик благодарно кивнул ей и завязал вокруг импровизированных сапог.

– Ну вот, теперь я, кажется, согрелся. Пора и в путь отправляться, – он улыбнулся ей, а потом подмигнул. Нири поморщилась, хотя вроде и начала привыкать к его дурачествам.

Когда он вернул ей шубу, она почти не чувствовала рук. Тёплая шуба разморила так, что сразу захотелось спать. Мик как будто почувствовал её состояние.

– Не спи, красавица. Потерпи немного.

И он пошагал по дороге вперёд.

– Куда мы идём?

Нири спешно бросилась за ним. Смотреть на шута, почти голышом расхаживающему по морозу было выше её сил. Быстрее бы дойти, куда бы он ни шёл!

– Вообще я хотел бы уйти подальше от замка и князя. Но до ближней деревни мы вряд ли дойдём. Знаю я тут одно место, – тихо протянул он. Как будто разговаривая сам с собой и замолчал.

Дальше несколько минут они шли в тишине. Только снег поскрипывал под ногами. Да неожиданные солнечные лучи изредка пробивались сквозь кроны сосен. Наконец, Мик остановился.

– Кажется, это тут, – произнёс он неуверенно. Перед ними стояло огромное кряжистое дерево, один ствол которого почти у земли разделялся на два. И девственно чистый снег. И больше ничего. Может он тронулся умом от холода?

Но Мик повернулся к ней и она снова поразилась неожиданно серьёзному взгляду.

– Я давно тут не был. Но смутно помню чуть дальше в лесу есть избушка охотников. Только к ней сейчас нет тропинки, надо протаптывать. Дай мне пожалуйста свою шубу, я погреюсь немного и пойдём.

– Куда? Прямо в снег?! – Нири с изумлением смотрела на Мика. Да он правда безумен!

– Ну да. Не бойся, там недолго идти.

– Да тут сугробов намело, наверное, по пояс. Как же мы пойдём?!

– Да просто. – Хмыкнул шут. – Погреемся и пойдём.

Мик

Было холодно просто до жути. И в этом холоде растворялись все другие мысли. И это к лучшему, потому что вместе с холодом под кожу, казалось, забиралось какое-то противное липкое чувство. Мик не знал, дойдут ли они, а если дойдут – на месте ли избушка и... Много всяких «и». Но он просто старался не думать. Два года назад, когда он походя спросил случайных странников – избушка всё ещё стояла на прежнем месте.

Давным давно, казалось, что в какой-то другой жизни, он в очередной раз попытался сбежать от князя. Бросился напрямик через лес, чтобы наткнуться на маленькую приземистую избушку, поросшую мхом. Тогда ему это показалось чудом. Он прятался в избушке неделю. Просто наслаждался свободой, готовил пищу, пытался охотиться и верил, что князь не знает о нём.

Трижды «ха»! Через неделю началась большая осенняя охота и князь охотники нагрянули в его избушку. Тут же доложили князю, что пропажа нашлась, ну и попинали его маленько, чтобы неповадно было. Он потом неделю провалялся в тюремной камере и ещё столько же – в комнатке в княжьем замке. Но выжил.

Мик невесело улыбнулся, вернул шубу Нири, которая смотрела на него с превосходством, как на умалишённого, и подув, на тут же начавшие остывать руки, принялся за работу. Он помнил дорогу к избушке, а недавно, как чувствовал, ещё и у захожего людя выпросил. Зимой она пустовала, тем более такой лютой, как эта. Да и идти тут, хоть и по сугробам, было всего ничего. Вот только князь бы не бросился их искать.

Он осторожно сделать первый шаг вперёд, туда, в сугроб и сразу провалился почти по пояс. С непривычки тело обожгло холодом. Хотя, казалось бы, сильнее и некуда. Спасибо камню, по-прежнему зажатый во рту, он хоть немного, но грел озябшее тело. Главное – добраться до избушки и не заморозить жену. А там хоть помирать.

Второй шаг дался легче. А потом показалось, что и вовсе легко пошло. От усилий стало даже жарко. Он утаптывал снег, надеясь, что Нири этого хватит. Конечно, будь у него сапоги, дело бы пошло живее, но и так неплохо.

Наверное, с четверть часа прошло, и вот уже впереди виднелась крыша избушки, почти до самого верха занесённая снегом. И тут Мик почувствовал, как силы оставляют его. Стало вдруг резко холодно, а из груди словно выбило воздух. Перед глазами поплыли круги.

Если он сейчас упадёт, будет совсем нехорошо. Если ему так плохо, то каково же его жене, видно, совсем непривычной к такой жизни. Видно же, что она из богатых и знатных, не ровня ему. Недаром князь её сразу приметил. Так стараясь отвлечься, он сделал ещё пару шагов и покачнулся.

– Мик! – Услышал как сквозь вату. А потом его плечи укрыло что-то тяжёлое и тёплое. Шуба! Она дала ему свою шубу. Тело немного согрелось и в голове прояснилось. Осталось всего то лишь каких-то пару шагов.

Эти последние шаги он преодолел с трудом и, наверное, дольше, чем первые. Всё-таки снега было очень много. И не обжигал, обещая даровать вечный покой.

Он с трудом помогая себе рукавами шубы, освободил от снега дверь избушки и немного приоткрыл её, так, чтобы можно было пройти. Потом прошёл сам, чихнув с непривычки от пыли, и изнутри толкнул дверь посильнее, чтобы впустить Нири. Она буквально ввалилась внутрь, растирая озябшие руки. Губы её дрожали, волосы растрепались, платье намокло от снега. И всё же она была такой красивой! Жаль птица не его полёта.

Помедлив секунду, он скинул с себя шубу и вернул Нири.

– Спасибо, красавица, – хмыкнул уже весело. Зачем печалиться? Они дошли, а это самое главное.

Через пару минут Мик нашёл дрова, уложил их в печь. Огнivo искал дольше, но всё же нашёл. Пришлось повозиться, приплясывая и дуя на озябшие руки, но через несколько минут, огонь всё-таки занялся и скоро в печке затрещало пламя.

– Вставай поближе к печке. Так согреешься быстрее.

Печь была знатная, не то, что у него в комнатухе. Огромная, каменная, на всю избушку. Интересно, это при князе строили её такую большую в охотничьем домике, который почти не используется зимой, или ещё при его отце?

– Я уже согрелась, спасибо, – тихо ответила Нири. Она смущённо жалась к печи и снова словно не знала, как с ним общаться.

А Мик нашёл на старом топчане одеяло. Немного изъеденное мышами (всего пару дырочек), оно ещё хорошо грело. Он укутался в него, на манер плаща. Осталось только колпак на голову и он снова король шутов.

Он весело улыбнулся, а потом и рассмеялся.

– Эх, жаль свирель осталась в кармане. Сейчас бы сыграл, – он подмигнул Нири, заметив, как она смутилась. Нечего смущать девушку.

Мик отвернулся и отошёл к столу. Над ним на полках лежали какие-то мешочки. Так, что тут? Через несколько минут, он уже засыпал в глиняный горшок кашу, добавил соли и даже мёда, закидал крупу снегом и поставил в печь. Эх, и ужин у них будет! Княжеский!

– Нири! – Он обернулся, ища глазами девушку. Она стояла у печи, прикрыв глаза. Дремала? – Иди поспи! Как каша сварится, я позову тебя.

Она благодарно кивнула, осторожно опустилась на топчан и через несколько минут уже спала. Умочилась, наверное.

Мик невольно улыбнулся, глядя на неё. Ему так редко доводилось любоваться красотой, которая не имела изъяна и не только внешнего. Часто он видел красивых девушек, что подмигивали, улыбались, умели петь и танцевать, а красивы были – глаз не отвести. Но он смотрел зорко, чай не слепой. И стоило им заговорить, как всё их очарование рассеивалось

без следа. Подколоть, унижить, задеть шута, посмеяться, показать ему, кто он такой. Обиды, сплетни, зависть, разговоры, чей наряд краше. Пожалуй, только княгиня была иной. Но видел её он очень редко. Она часто болела и проводила время в своих покоях, не мешая князю развлекаться так, как ему нравится.

И вот теперь, глядя на сонную Нири, он вдруг подумал, что нашёл ту красоту, что искал. Подумал – и сам же устыдился таким мыслям. Шут, знай своё место!

Пока Нири спала, а каша варилась, Мик осмотрелся в поисках хоть какой-то тряпицы. Нечего смущать девушку своим видом! И ведь нашёл! На столе лежала старая скатерть. Бог весть кто и зачем постелил здесь на столе скатерть, но она была. Правда мышами немного поеденная, но это мелочи!

Мик смахнул скатерть со стола, немного встряхнул её, расширил дырку прямо посреди ткани и надел на голову. Потом стянул со стены толстую верёвку, заботливо оставленную охотниками и подпоясался. Вышла длинная рубаха, почти до колен. Ну и видок у него наверное. Мик представил, как он сейчас выглядит и хмыкнул. На голову вот только что-нибудь приладить, и можно людей идти смешить.

Наконец, каша сварилась, а в избушке стало совсем тепло. Главное, чтобы никто не заметил дыма и тропинку, ими протоптанную. А то ведь вернёт князь, свою игрушку, как пить дать. И ладно бы только свою! При мысли о том, что князь может вернуть Нири, в душе начинало ворочаться что-то очень нехорошее. И лучше бы об этом даже не задумываться ему!

Мик искал какие-то плошки или тарелки, на худой конец хоть ложку, но удалось обнаружить только ещё пару глиняных горшков разной величины, да одну деревянную ложку. Ему бы время – он и ложку и свирель вырезал, и игрушек бы резных наделал. Этому его тоже научил заходжий странник. А он и рад был учиться. Кто знает, какое умение пригодится в жизни.

Он поставил дымящуюся кашу на стол и позвал жену.

– Нири, проснись! Каша на столе.

Она повернулась на другой бок, вздохнула во сне. Жалко было будить её, умаялась девочка, но что поделать. Тем более Мик не знал, от слова «совсем», что им дальше делать. И всё же.

– Эй, красавица! – Сказал уже громче. Нири вдруг открыла глаза и рывком подскочила на кровати. Осоловело огляделась вокруг, увидела его и выдохнула. – Говорю, обед готов. Правда, наверное, не то к чему ты привыкла, но уж какой есть, – привычно хмыкнул Мик. – Правда есть придётся по очереди и одной ложкой, если ты не брезгуешь.

– Спасибо, – только тихо ответила Нири. Она, видно не знала, куда глаза девать. Присела на край лавки у стола, и принялась за трапезу. Мик не стал её смущать, отошёл к печи. Погреться, постоять, подумать, что дальше делать. И, видно, он так ушёл в свои мысли, что не заметил, как Нири его позвала.

– Мик! Я поела. Иди ешь.

– Уже, – он повернулся, присел к столу и принялся за еду. Каша была сытная, а самое главное – тёплая, от неё тут же сморило и захотелось спать.

– Что ты дальше думаешь делать?

– Не знаю, – Мик облизал ложку и убрал кашу на печь. Негоже её на столе оставлять. – А ты?

– Я вернусь к дяде, – Это он уже слышал.

– А далеко ли твой дядя живёт?

– Ну... – Нири замаялась. – Я знаю, что обратно мы ехали, наверное, с месяц. С вещами и обозом, конечно, это дольше. Но когда... когда это всё случилось, – Её голос задрожал, – У нас ещё даже снег не выпал. Но у нас и зимы короче и не такие лютые, – торопливо добавила она. – А дядино имение ещё ближе к столице.

Мик нахмурился, пытаясь вспомнить большую карту, что висела в одном из залов князя, прямо над камином. Земли князя Литара вверху, совсем небольшие, но торжественно названные Большое Северное Княжество. Что было ещё севернее, князь либо не интересовался, либо не счёл нужным изобразить. Южнее шли срединные официально ничейные земли, а потом большим пятном, намного больше этого Княжества – королевство Юнта. Нири оттуда?

– Королевство Юнта? – Задал он вопрос.

От изумления у Нири округлились глаза.

– Откуда ты знаешь?!

– Ну, шуту ведомо многое, – хмыкнул он. – И как же у отряда князя получилось на вас напасть?

– Имение моего отца у самой границы, – тихо ответила жена. И Мик увидел, как она опустила глаза. Тяжело вспоминать. Наверное, она очень любила отца. – У нас давно уже всё спокойно. Король подписал мирные договора со всеми окружающими княжествами и королевствами. Мы не ждали нападения. Воины князя Литара, – она с ненавистью выплюнула его имя, – напали внезапно, застали нас врасплох, и так же быстро исчезли. Я думаю, что Его Величество даже не знает, кто убил моего отца.

– И ты хочешь ему это рассказать? – Кто же она такая, что и с королём может общаться?

– Не я, – она покачала головой. – Я расскажу это дяде. А он уже пусть передаст Его Величеству.

– Разумно, – кивнул Мик. – Но пешком зимой до дяди ты вряд ли доберёшься. Можно попроситься в обоз. Но у нас нечем платить, да и торговые обозы зимой редко ходят.

– Мне есть, чем платить, – тихо сказал Нири. Отвернувшись на секунду, а потом протянула на ладони ему перстень невиданной красоты.

Глава 5

Перстень так и сиял, так и переливался. Так что Мику даже больно стало от такой красоты. Не глазам больно, а как будто в душе.

– Красота какая! – Восхищенно выдохнул он. – Но лучше тебе пока спрятать его. А то и прирежут за него, не дорого возьмут.

Нири вздрогнула и торопливо спрятала перстень.

– И что же мне делать? – Она беспомощно посмотрела на него, да так, что снова защемило сердце.

– Давай-ка спать, вот что! Утром будет видно, – Мик улыбнулся ей.

– А... – Она осмотрелась вокруг беспомощно. Кровать была всего одна. А за окном уже темнело. Короткий зимний день подходил к концу. Конечно, было не так уж и поздно, чтобы лечь. Тем более в княжьем замке он, иной раз, засыпал намного позже полуночи, когда князь и вусмерть упившиеся гости наконец-то позволяли ему удалиться. Но сейчас вымотанный бессонной ночью, он сам едва держался на ногах, а про девушку и подумать то страшно.

– Не беда, – Мик бросил одеяло, которым накрывался на пол возле печки. – Ты спи на кровати, а я уж тут на полу. Мне не впервой, а здесь тепло. – Жаль только печка не настолько большая, чтобы на ней можно было спать. – Спокойной ночи, Нири.

Он с наслаждением растянулся возле печки. От тепла быстро сморило, и Мик даже не услышал, ответила ему Нири, или нет. А проснулся от холода. Дрова в печи прогорели и в избушке с непривычки зуб на зуб не попадал. За окном было темно. Да так, что хоть глаз выколи, а ещё надрывно завывал ветер.

Мик наощупь сложил дрова в печь, и когда пламя привычно лизнуло поленья, шагнул к окну, накрепко закрытому ставнями, и осторожно заглянул через небольшую щель. На улице бушевала вьюга. Ветер поднимал снег и пригоршнями бросал в окно. Метель – это хорошо. Теперь то уж точно никто не разглядит их следы. Но и они тут застряли, пока непогода не кончится. А крупы то тут не сказать, чтобы много. Охотники не стремились пополнять запасы в избушке, а может и не заходили сюда много лет, кто его знает.

Спать он больше не мог, поэтому присел возле печи. Каша ещё оставалась в горшке. Он поставил её подогреваться. Эх, воды бы вскипятить попить. Но выходить на улицу в такую метель – это значит выстудить их маленькое жилище, поэтому Мик просто сидел и смотрел на огонь. Он создавал причудливые отблески на стенах, освещая избушку.

Жаль, у него нет ни одной книги. Сейчас бы было чем заняться. Но невольно все его мысли возвращались к Нири, красавице, с которой он волей Создателей оказался связан. Скажи ему кто об этом ещё месяцем ранее, он бы решил, что это насмешка судьбы. Но, сейчас, так уж вышло, что он отвечает за неё. Да и идти ему по большому счёту некуда. Он поможет ей добраться до дяди, а там уж видно будет. Мик не любил загадывать так далеко. Говорят, что загад не бывает богат. И это истинно так. Так что вот доберутся они до её родины и тогда решат, что будут делать дальше. Ну точнее, он решит, сам. Ведь шуту не место рядом с красавицей, будь она хоть трижды добра к нему.

Мик вздохнул, поправил кочергой дрова в печи и подошёл к Нири. Сам не знает зачем. Посмотреть на неё лишний раз. И нахмурился. В свете занимающегося дня было видно, что она дрожит. И дышит хрипло и прерывисто. Мик дотронулся до лба. Тот обжигал огнём. Вот тебе раз! Он попытался вспомнить, чем сбивать жар, и по всему выходило, что нужны специальные травы, а ещё гусиный жир бы не помешал. В ближайшей деревне есть лекарь?

– Нири! – Он попытался её разбудить, дотронулся, но тщетно. Она только застонала и повернулась на другой бок. Совсем дело плохо! И медлить нельзя.

Он снял с неё шубу, укрыв единственным одеялом, взял шапку и сапоги. На улице едва-едва рассвело. А ещё мело так, что можно потеряться в двух шагах, если не знать, куда идти.

– Нири! – Снова попытался он разбудить её. И она наконец-то открыла глаза.

– Мне плохо, – прошептала тихо.

– Ты заболела. Нужен лекарь. Я схожу за ним. У тебя есть, что ещё продать, кроме перстня? – Он бы всё отдал, лишь бы она выздоровела, но у него самого, к сожалению, ровным счётом ничего не было. Разве что чудесный камешек, да разве он нужен кому-то?

– Кинжал, – тихо ответила Нири. Потом с трудом достала его и отдала ему. И, казалось, на этом её силы закончились. Она снова впала в забытье.

– Я скоро приду, – прошептал ей Мик. – Только дождись.

И шагнул за дверь.

Нири

Было плохо, да так, что она едва сознавала, где она и что с ней. Пожалуй, давно она так не болела. Да, что там давно! Никогда она не болела так сильно. Она то проваливалась во тьму, то снова выплывала на свет. И тогда ей становилось страшно и хотелось снова уплыть в блаженное забытье. Потому что она была одна. Догорали дрова в печи, за окном выла вьюга, занимался рассвет, а у неё не было сил даже сесть на постели.

Интересно, вернётся Мик за ней, или бросит её, продав дорогой кинжал? Может быть, он уже далеко отсюда, от этой неё и от этой избушки в глуши леса. Ей то казалось, что он только что ушёл, а то – что прошло уже много часов, а то и дней. От слабости болела голова и глаза горели огнём. Кажется, она бредила, потому что словно наяву видела отца. Который говорил с ней и гладил по голове, утешал и жалел. А потом вдруг на короткий миг открывала глаза – и никого вокруг не было.

Дышать было тяжело, а ещё до невозможности хотелось пить, Нири казалось, что она стораёт от жара. Но никого не было рядом, а встать самой у неё не было никаких сил.

Наверное, Мик не придёт, и она умрёт в этой избушке от жара и голода. Всё-таки он шут и раб, он привык быть рабом и вряд ли знает, что такое верность и честь. Все эти мысли словно плавали в голове вместе с жаром и бредом. А она сама словно смотрела со стороны не в силах ничего изменить.

В очередной раз, выплыв из забытья, она почувствовала будто что-то изменилось. Словно стало легче дышать. На голове лежало что-то холодное.

– На выпей! – Произнёс знакомый голос. Нири хотела открыть глаза, чтобы посмотреть, кто это. Голова гудела, сознание уплывало, временами ей казалось, что она ничего уже не помнит и не знает, кто она. Но всё-таки она покорно выпила какой-то горькой жидкости и услышала перед тем, как снова впасть в забытье:

– Вот и молодец, красавица!

Следующие то ли часы, то ли дни, слились для неё во что-то одно, невероятно тягучее. Как только она приходила в себя или начинала шевелиться, её будил знакомый голос и просил выпить какую-то жидкость. А потом она снова проваливалась в сон. Она не помнила, когда это всё кончилось, но явно поняла, что кажется ей лучше.

Открыла глаза и с трудом повернула голову. Комната вокруг словно пустилась вскачь. Когда голова перестала кружиться, она разглядела странную скрюченную фигуру у своей кровати. Присмотрелась. Это был Мик, в простой рубашке явно с чужого плеча, он дремал привалившись к топчану, на котором лежала она, в немыслимой позе. Руки лежали на коленях, голова запрокинута назад. Глаза прикрыты. И Нири сейчас, после болезни, вдруг остро почувствовала, насколько она привыкла к нему. Нечто странное установилось между ними. Дружба? Она не знала, как это назвать.

Но глядя на его почти белые волосы, что в беспорядке свисали на лицо, на тени, что залегли под глазами, на всю его неудобную позу, её вдруг пронзило какое-то острое чувство. Она не знала, как его назвать и была слишком слаба, чтобы разбираться, но, пожалуй, радовалась, что он рядом с ней. Ничего сейчас в этом человеке не напоминало ей шута, которого она в первый раз увидела в замке князя Литара, и, увидев, сразу, пожалуй, возненавидела. А ещё презирала, да. Чувство, недостойное дочери своего отца, но она не стыдилась его, потому что презрение сменилось благодарностью и даже пожалуй, радостью. Хотя, Мик, ведь шут.

От слишком сложных сейчас мыслей разболелась голова. Нири слишком резко повернулась и застонала. Казалось, болело, всё тело. А Мик у её кровати тут же вскочил. Увидел её и улыбнулся.

– Очнулась, наконец-то! – И было в его улыбке что-то такое. Она даже смутилась и отвернулась.

– Сколько... – голос слушался с трудом. – Сколько я болела?

– Три дня.

– Сколько?! – В голове не укладывалось. Три! Дня! И всё это время Мик ухаживал за ней?

– Я вернулся к обеду, а ты вся горишь и уже не приходишь в себя. Я думал, что не смогу уже тебя вытащить, но в этой деревне нет врачей. Только бабка-травница, старая и глухая, которая даже и не помнит, как её зовут. – Мик говорил весело, но в глазах его застыла тревога и что-то похожее на боль. – Хорошо, что она продала мне нужные травы, а настойку то я сам уже сделал. А теперь тебе надо поесть. Я сделал немного супа. Самая нужная пища сейчас. – И Мик закончил разговор, шагнул к печи. А Нири просто наблюдала за его ловкими движениями и чувствовала себя почему-то невероятно спокойно.

Мик

Наконец-то она пришла в себя! Пожалуй, Мик чувствовал облегчение и радость. Слишком, пожалуй сильную. Но он привык жить сегодняшним днём. А сегодня было то, что Нири наконец-то удалось вырваться из лап болезни. Она больше не бредила и не звала покойного отца, а ещё не билась в чьих-то руках и не кричала: «Отпусти!». А значит всё было хорошо и пора подумать о том, что делать дальше.

Метель замела их следы, и продолжала идти, хоть и не такая сильная, как в тот день. А значит, князь, даже если и желает, не отыщет их. А пока он спохватится, они будут уже далеко. По крайней мере Мик надеялся на это.

В деревне остановился на постой купеческий обоз, не иначе как волей Творца. И кинжал Нири им очень понравился. Они стали торговаться, каждый предлагал свою сумму. А Мик, по правде говоря, устал и замёрз. Да и понимал, что надумай они его убить за такую красивую вещицу, он от них никак не отобьётся. Но всё-таки купцы – это не воры. Поэтому он надеялся на лучшее. И пока купцы наперебой торговались, кто предложит больше, кто-то дёрнул его за рукав шубы А Мик уже порядком промёрз.

– Пойдём со мной, – Мик обернулся. Возле него стоял такой неприметный с виду тощий как палка человек с хитрыми раскосыми глазами в странной явно неместной шапке. Но что-то в нём было такое, родственное шуту.

– А пойдём, – кивнул ему Мик. И направился вслед за незнакомцем. Тот привёл его в избу, где остановился на постой. В ней было жарко натоплено, да так что почти сразу начало смаривать.

– Зармин, – представился купец.

– Мик, – в тон ему ответил Мик. И впервые, наверное шутить не хотелось. Слишком тревожно было, казалось, что он теряет драгоценные минуты. И всё-таки не зря он здесь. Недаром купцы замолчали, увидев Зармина рядом с ним, словно признавая его власть.

- Что у тебя стряслось? – Вот так без проволочек лоб в лоб спросил купец.
- Беда, – не стал юлить Мик, но и не сказал всей правды.
- Вижу что беда. Чего ты хочешь?
- Продать кинжал.
- Зачем?
- Одежды купить, кое-какой еды и лекарственных всяких снадобий, – в тон ему ответил Мик.
- А Зармин вдруг усмехнулся.

– Вижу, ты непростой человек, – он хмыкнул. – Но, как у нас говорят – не лезь в чужую жизнь, разберись сначала со своей. Продай мне кинжал. Я дам достойную цену. Это хорошая работа известного северного мастера. Не буду спрашивать, где ты его нашёл, но раз продаёшь, я куплю.

И он действительно дал достойную цену. Таких денег Мик отродясь в руках не держал. А ещё продал подешевле из своих тюков пару тёплых женских платьев. Одежду себе Мик покупал уже у жителей села. Жаль только, что у купцов своего лекаря не было, и они ничем помочь не смогли. И всё-таки как странно на него смотрел Зармин и усмехался чему-то в жидкую бородёнку.

Вот так и получилось, что он купил и одежду и еду и самое главное – травы для Нири и ещё осталось прилично денег. А вот про место в обозе не спросил.

После еды Нири уснула. Она была ещё очень слаба. А Мик смотрел на волосы, разметавшиеся по плечам и чувствовал, как необычно тепло на сердце в этой дырявой избушке посреди холодного зимнего леса. Она выздоровеет, теперь уже точно. А всё остальное – неважно.

Ближе к вечеру, Нири проснулась и уже была в состоянии долго разговаривать. Мик рассказал ей всё.

– Кинжал твой не из простых, да я думаю, ты знаешь, – Ему было интересно, кто Нири в своём королевстве. Явно, не простая девушка. Может быть, тоже княгиня. Но как бы ему не хотелось это узнать, спросить он почему-то боялся. А ещё говорят, что у шутов язык без костей. Врут. Точно.

– Да... – Замялась Нири. Видно, ей тоже не очень хотелось об этом говорить. И он её понимал. Бог знает, что она тут себе надумала, пока его не было. То, что Мик слышал в бреду, хотелось забыть. Она говорила о нём так, словно он бросил её, обокрал и оставил умирать. Ясно дело, что она это не специально. Но, как говорят, слова из песни не выкинешь.

– Смотри, вот тут ещё прилично монет осталось с продажи кинжала. Держи. Они твои. – Мик с лёгкостью протянул ей мешочек с золотыми.

– А... – Нири растерянно смотрела на него. И что-то было в её взгляде, что-то больше, чем просто удивление. Но Мик тут же опустил глаза. Негоже шуту читать в сердцах людей. Да и не его это дело. – А как же ты?

– А что я? – Он всё-таки поднял на неё глаза.

– Ну ты же помог мне.

– И что? – Она что предлагает ему плату за то, что помог? Он никогда ни с одного странника не брал денег. Да и в мысли бы такое не пришло. Ну как так можно?! Разве он наёмный работник, а она хозяйка?

– Возьми себе немного, – она совсем смутилась, видимо, под его взглядом и эти слова уже прошептала.

– Я не беру денег за помощь, – сказал он, наверное, громче, чем следовало, так что Нири вздрогнула. А потом уже спокойнее добавил. – Считаю, если хочешь, что я взял и купил себе одежду.

И положил мешочек с деньгами ей на кровать. Нири молчала. Ему тоже стало неловко, и Мик отошёл к печи, чтобы пересчитать запасы ещё раз. При желании (и если болезнь Нири

затянулась бы надолго – а он ведь не знал, закупаясь, сколько она будет болеть) они могут здесь отсидеться ещё пару недель.

Круп, муки, соли, вяленого мяса, лука и мёда он взял с запасом. И даже кринку молока прикупил. Но пока болела, Нири молоко не пила, так что оно скисло. Ну ничего, он живо сделает творог. А не пора ли, кстати, этим заняться?

И Мик преувеличенно бодро занялся приготовлением еды. Лишь бы не думать о своей жене. Хм. Мик даже усмехнулся привычной усмешкой. Жена, надо же. За всю свою жизнь, он никогда не думал о свадьбе. Кто же пойдёт замуж за шута? Да и не хотелось ему ни одну девушку делать несчастной. А хуже доли и придумать нельзя. Замуж за раба. Да у него ни гроша за душой. И князь словно насмеялся. Хорошо, что за границами его земель эти законы не действуют. Для Нири, наверное, хорошо. Была бы она попроще, возможно бы он предложил ей скопить на домик где-нибудь южнее и... Всё хватит! Нири это Нири.

Когда он приготовил нехитрую похлёбку и повернулся к девушке, она уже снова спала. Пусть набирается сил. Ей это сейчас нужно. А сам он пока присел возле печи, хорошо обтерев руки и открыл книгу. Он немного схитрил. Он ещё кое- что купил себе. То, что, на самом деле, важнее одежды – книгу. У купца лежал сборник легенд, которые Мик ещё не читал. А Зармин, видя его интерес, отдал ему этот сборник почти задаром. И вот сейчас так уютно, и можно никуда не торопиться и не ждать окрика от князя или его слуг, вскакивая и роняя книгу. Нет, сейчас можно сесть и по-настоящему почитать.

По-правде говоря такое время выдавалось редко. Мик прислонился к стене печки, положил раскрытую книгу на колени и забыл обо всём.

В себя пришёл, только когда услышал голос:

– Ты читаешь?!

И столько в нём было удивления, что Мик невольно расхохотался.

Глава 6

Нири

На самом деле шут удивлял её всё больше и больше. Она почти не знала его, и в то же время, было такое ощущение, словно бы она знает его всю жизнь. Когда она болела... Ей было противно на саму себя, но Нири действительно совсем недолго, но думала, что он не вернётся. Всё-таки свобода такое сладкое слово. А что его держало рядом с ней теперь, когда воля князя не действует? Теперь, когда он не боялся её кинжала?

Да по правде говоря, Нири теперь и сама не верила, что могла бы ударить его. Кого-то другого – пожалуй. Отец учил её защищаться. Но его – вряд ли. Ещё тогда, когда увидела его первый раз и его бездонные, синие как само небо глаза.

Но сегодня, когда он принёс ей деньги, а потом отказался от них с таким негодованием, что Нири стало страшно, она действительно изумилась. Нет. Даже не так. Не то слово. Он поразил её. Казалось, что она поняла его. Вот чего бы ему? Бывший раб, который вдруг стал свободным, шут Его Княжеского Высочества. Она сама видела, как на его лице маски сменяли одна другую, причудливо чередуясь словно в калейдоскопе. И тут вдруг она словно увидела его настоящего, прикоснулась к нему и это поразило её. И даже напугало. Словно что-то нездешнее, то, чего здесь на земле, где царствуют зло и жестокость, не может существовать.

Нири быстро убрала мешочек с монетами, словно они жгли ей пальцы и прикрыла глаза, чтобы не смотреть на негодующего Мика. Наверное, она должна была извиниться. Она ведь действительно ему не хозяйка, а он не раб. Но он ведь и не муж ей! Почему же он тогда ухаживает за ней и ведёт себя так странно? Она не находила ответа. И как то скоро эти поиски ответа переросли в дрему.

Мик тихо возился в углу, стараясь не греметь. Наверное, готовил еду. За окном сыпал снег и выл ветер. И Нири, засыпая, вдруг поймала себя на мысли, что так спокойно и уютно ей никогда не было. Что даже дома, когда был жив отец, её душа металась. Ей хотелось чего-то, но она сама не знала, чего. А сейчас, когда, казалось бы, она должна скорбеть и думать о мести, на душе вдруг был покой и тишина.

Когда она проснулась, всё так же выл ветер. Вот только к звукам прибавилось что-то новое – какой-то знакомый шелест. Нири приоткрыла глаза и поискала фигуру Мика. Он сидел, прислонившись спиной к печке, держа на коленях большую книгу и увлечённо читал, переворачивая страницы. Отсветы горящих поленьев падали на него, создавая причудливые узоры на его лице. Словно он сам весь состоял из огня, светился изнутри.

– Ты читаешь?! – Потрясённо прошептала она. Да было ли вообще что-то обычное в этом человеке?!

Мик поднял голову, откинул непослушную прядь волос за ухо, посмотрел на неё и вдруг расхохотался. Не так наигранно, как шут, которого заставили смешить, а так заразительно, как человек, которому действительно смешно. Нири в ответ не смогла удержаться от улыбки.

– Прости, – наконец прошептала она, а потом, смутившись, отвернулась. Да что с ней происходит?!

– Ты просто так удивилась, что я не смог удержаться, – словно повинился Мик. – На самом деле ничего такого в этом нет. Князева игрушка должна уметь читать. Это же так смешно – когда шут читает научные трактаты, позвякивая колокольчиками. – И он дёрнул себя за волосы, скривив губы трубочкой. И Нири снова показался в нём отблеск безумия. И в то же время в его голосе слышалась боль. Такая явная и неприкрытая, что Нири даже стало не по

себе. Может Мик и говорил, что смирился и никем иным быть не мечтает, но боль его кричала о другом.

А еще Нири вдруг задумалась – кем же он был до того, как угодил к князю, если не сломался за столько лет?

– А кем ты был до... до того, как попал к князю? – Тихо, но всё-таки твёрдо спросила она.

– Я не помню, – неуверенно пожал плечами Мик.

– Как это? Совсем ничего не помнишь? – Что-то странное.

– Совсем, – он покачал головой.

– Сколько же тебе лет было?

– Не помню. Думаю, лет десять.

– Тогда ведь ты должен что-то помнить! – Да не может такого быть! Он лжёт ей? Но зачем? И Нири внимательно посмотрела на Мика, но он сидел, растерянно глядя в пустоту. Словно потерянный маленький мальчик.

– Я совсем ничего не помню. Никаких даже смутных воспоминаний. Ничего. Словно стена. Только уже этот замок и темницу князя.

Не лжет. Нири была в этом уверена. И её вдруг накрыло горячей волной жалости. Если бы она забыла отца, потеряла бы краткие воспоминания о матери, умершей слишком рано, забыла своё детство, радость от первой похвалы отца, первый танец с соседским сыном, поездку в столицу, советы отца и разговоры с ним по душам, прочитанные книги, словом всё, что составляло её существо, как бы она смогла жить дальше? А Мик смог.

– Что ты читаешь? – Тихо спросила она.

– Легенды, – Мик закрыл книгу и повернул ей, чтобы она увидела ярких разлетающихся по обложке птиц.

– Почитай мне, пожалуйста, если тебе не сложно, – несколько секунд молчания, а потом Мик вскочил на ноги.

– Конечно, не сложно, о чём речь, – и улыбнулся ей.

Мик читал правильно, а ещё его голос звучал необыкновенно красиво, да так, что Нири заслушалась. Казалось, что не было больше шута. Перед ней сидел сказитель, бард из тех, что странствуют по дороге и под медленное перебирание струн нараспев читают стихи или рассказывают истории. Это было очень необычно и красиво. Легенды словно оживали под его чарующим голосом.

Нири опомнилась только тогда, когда за окном потемнело так, что Мик уже не мог читать. Он закрыл книгу и устало потёр глаза. И она вдруг спохватилась:

– Ты, наверное, устал.

– Да, есть немного, – не лукавя ответил Мик. – Давай сейчас поужинаем и спать.

Нири только кивнула в ответ. После сытного ужина глаза сами отяжелели. Она тут же заснула и всю ночь ей снились отголоски услышанных легенд. Только героем в них был Мик, и она сама.

Следующие несколько дней она набиралась сил – ела, спала, слушала чтение Мика и иногда читала сама, и медленно ходила по избе. Наконец, настал день, когда она даже вышла на улицу. Сделала несколько шагов по протоптанной Миком тропинке и поняла, что вот и всё – вот и пора уходить. Теперь она в силах это сделать. А ещё поняла, что этот охотничий домик посреди леса навсегда останется в сердце, что бы ни ждало её впереди.

– Ты готова идти, Нири? – Спросил Мик через пару дней после её прогулки. Так получилось, что он никогда не звал её полным именем, отец же величал не иначе как Нирианной. Метель унялась и яркое солнце светило совсем не по зимнему. Пора было выдвигаться в путь.

– Готова, – кивнула Нири, хотя она слабо представляла себе, как они дойдут до её дома пешком зимой. – Только боюсь, что пешком много не пройду, – всё же решила признаться она.

– Я надеюсь, что купеческий обоз ещё не отбыл или в крайнем случае мы нагоним его в пути. Или можно будут купить лошадей. – Мик улыбнулся ей и весело насвистывая начал собирать их нехитрые пожитки, сворачивая их в заплечные мешки. Для него видно не существовало преград. Нири невольно удивлялась ему, а ещё, пожалуй, уважала.

На рассвете следующего дня они двинулись в путь. И хотя всю поклажу нёс Мик, Нири с трудом добрела до деревни. Слабость ещё давала о себе знать. Шут обеспокоенно посмотрел на неё, потом оглянулся. Деревня то была так себе – всего несколько дворов. И нигде даже следов обоза.

Мик

Дело плохо. Нет, конечно, он не договаривался с купцами, что они подождут его, потому что не знал, сколько Нири будет болеть. Но, всё-таки надеялся. Или на то, что обоз подождёт их, или на то, что его супруга окажется более выносливой. Нири едва ковыляла и видно было, как она устала, держалась из последних сил.

Конечно, если она из знатного рода, то вряд ли проводила время за работой или прогулками. Он вот ни разу не видел жену князя Литара на улице или за работой. Каждый её выход из собственных комнат был едва ли не событием. Её сопровождали многочисленные мамки и служанки. А если она решила летом куда выйти, то за ней как тень следовали воины князя и простой люд, которому было интересно посмотреть на княгиню. Да. Откуда же тут силы возьмутся? И всё же Мик с непривычной нежностью посмотрел на Нири. Идёт и молчит ведь, ни слова жалобы не говорит.

Он вздохнул. И деревня то совсем лядящая. Лошадей здесь даже не купишь. Пару захудалых кляч может и есть, так и те в хозяйстве незаменимы – никто не продаст сейчас.

Мик постучал в дом, служивший подобием трактира, где принимали на постой всякого рода странников и купцов.

– Чего надо? – Неприветливо откликнулись за дверью. Мик хмыкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.